

Очерк 5

Меж двух империй: внешнеполитический аспект украинского вопроса в контексте российско-австрийских отношений

Земли современного украинского государства на протяжении столетий входили в состав многих государственных образований. В период возникновения и развития украинского национального движения (XIX — начало XX в.) они были разделены между двумя империями — Российской и Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской). Под скипетром Габсбургов оказались такие исторические области, как Галиция (Галичина) и Буковина, а также, в составе Венгерского королевства, Угорская Русь (Прикарпатье). Особенности исторических судеб этих регионов, принципы политики Вены в отношении них стали причиной своеобразия формирования национального самосознания восточнославянского населения в каждой из этих областей. Наиболее динамично процесс формирования национально-культурных, а позднее национально-политических движений восточнославянского населения шел в Галиции. Именно положение дел в Галиции наиболее часто оказывалось в сфере внимания российских ведомств, определявших внешнюю политику Российской империи. Наиболее последовательно этими вопросами интересовалось российское Министерство иностранных дел, однако нередко к ним обращались и сотрудники военного ведомства, Министерства внутренних дел, Святейшего Синода. В нашем очерке основное внимание уделяется позиции российского внешнеполитического ведомства в отношении национальных движений восточнославянского населения Галиции и, отчасти, Буковины.

С началом разделов Речи Посполитой в 1772 г. под властью Габсбургов оказались часть воеводств южной Польши, большая часть Краковского и Сандомирского воеводств и основная часть т. н. «русских» земель, в 1795 г., после третьего раздела к ним была присоединена еще часть польских земель, позднее получившая наименование Западной Галиции. Окончательно границы австрийских владений были определены в 1815 г. на Венском конгрессе. В 1850 г. после присоединения Кракова к Австро-Венгрии из польских и части «русских» земель была создана отдельная провинция — Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским, герцогствами Освенцимским и Заторским (Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator). Своим происхождением название новой провинции обязательно древнему Галицко-Волынскому княжеству. То, что земли княжества некоторое время принадлежали короне святого Стефана, позволило Габсбургам официально закрепить эти земли за собой. Однако в состав новой провинции вошли и земли бывшей Речи Посполитой, не имевшие отношения к Галицкому княжеству. Волынь же, бывшая частью древнерусского княжества, вошла в состав Российской империи, и на нее Габсбурги претензий не предъявляли.

Территория края составляла 78 492 кв. км с населением около 2 млн человек. Столицей края был Львов (по-немецки Лемберг). В 1850 г. Галиция была поделена на два судебных округа с центрами в Кракове и Львове, что фактически закрепило разделение Галиции на Западную и Восточную¹. Вся провинция состояла из 79 поветов, в свою очередь разделявшихся на гмины. Во главе края стоял наместник, назначавшийся императором, его юрисдикции подлежало большинство административных вопросов. После принятия конституции 1867 г. органом самоуправления края стал Сейм, избиравшийся по куриальной системе.

¹ *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996. S. 13.

Председательствующий, маршал Сейма, назначался императором из числа депутатов.

Буковина была занята австрийскими войсками в результате русско-турецкой кампании 1768–1774 гг., а в 1775 г. в результате подписания Константинопольской конвенции вошла в состав Австрийской монархии. В 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции, а в 1849 г., после принятия Австрийской конституции, получила статус герцогства. В 1860 г. Буковина вошла в состав Галиции, однако уже в 1862 г. она вновь получила статус автономии. Во главе провинции стоял наместник (президент, назначавшийся императором, законодательная власть принадлежала Сейму²).

Этнический состав Галиции был неоднородным. Согласно последней проведенной в Габсбургской империи переписи 1910 г. в провинции проживало 7 млн 884 тыс. человек. Из них 4 млн 675 тыс. — поляки и 3 млн 207 тыс. — представители восточнославянского населения. Критерием принадлежности к той или иной этнической группе при проведении этой переписи был язык. Большая часть восточнославянского населения (92 %) проживала в восточной части провинции.

В Буковине также значительная часть населения (около 35–40 %) относилась к восточным славянам, причем в северной Буковине этот процент возрастал до 54 %³. Второй по численности группой были румыны (около 33 %). Также в регионе проживали немцы, евреи, поляки, армяне, словаки. В итоге Буковина оказалась наиболее многонациональной провинцией империи, что не могло не сказаться на специфике формирования национального самосознания в регионе. Наряду с национальными движениями здесь сильны были позиции так называемого «буковинизма», то есть идеи региональной, а не национальной общности.

В качестве самоназвания восточнославянским населением употреблялись исторические понятия «Русь», «народ

² Буковина. Историчний нарис. Чернівці, 1998. С. 72–73.

³ Там же. С. 75.

русский». В период габсбургского правления было официально введено в оборот понятие «русинь» (Russen) или рутены (Ruthenen). Этноним «русинь» использовался и в официальных российских документах. В публицистических и научных работах российских авторов XIX — начала XX в. восточнославянское население Габсбургской монархии именовалось «русским». По мере развития в регионе украинского движения его активисты говорили сначала об «украинско-русском» народе, а затем и об украинском народе Галиции: в XIX — начале XX вв. понятия «украинский, украинец» имели не этническое, а национально-политическое значение. В настоящем очерке в качестве этнонима используются термины «русинь», «русское» население. Термины «украинцы», «русифиль» применяются в качестве политонимов.

«Мы русинь...»: формирование национальных движений восточнославянского населения Галиции и Буковины

Войдя в состав Габсбургской монархии относительно поздно, Галиция приобрела особое положение в ряду многочисленных провинций империи. Будучи территориально одной из самых крупных провинций (около 78,5 кв. км), она находилась на окраине государства, на границе с другой империей — Российской, и соответственно имела стратегическое значение. Основная часть восточных славян и значительная часть польского народа проживала на территории Российской империи, и это обстоятельство не могло быть проигнорировано ни Российской, ни Австрийской империями и не могло не сказываться на отношениях двух держав на протяжении всего «габсбургского» периода истории региона. Несмотря на то что вплоть до начала Первой мировой войны ни Петербург, ни Вена не заявляли официально о намерении присоединить земли соседнего государства, сама эта возможность ими вполне осознава-

лась, что оказывало существенное влияние на состояние российско-австрийских отношений, столь сложных и противоречивых во второй половине XIX — начале XX в.

Одним из важнейших моментов для понимания специфики национальных процессов в этом регионе является то, что в Галиции существовало одновременно несколько национальных проектов населявших ее народов. Наиболее развитым и влиятельным являлось, несомненно, польское национальное движение. Поляки не только составляли большинство, но и, в лице польской аристократии, владели основными рычагами управления. Это способствовало тому, что и внутри империи, и за ее пределами Галиция воспринималась прежде всего как польский край, здесь имели возможность развития фактически все направления польского национального движения. В среде восточнославянского населения основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским (в литературе именуемого как русским, так и русофильским или московфильским. — *М. К.*) направлениями, к концу XIX в. оформившимися в полноценные национально-политические движения. В основе идеологии пророссийского (далее в очерке называемого русофильским. — *М. К.*) направления лежала концепция, согласно которой Восточная Галиция, а также другие «русские» земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой «соборной» Украины, а «русское» население провинции — как часть единого и самостоятельного украинского народа. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациестроительства находилась в центре общественно-политической жизни восточнославянского населения Галиции на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

В первой половине XIX в., по словам украинского ученого И. Свенцицкого, «характер сношений Карпатской Руси с Россией можно определить информационно-науч-

ными интересами обеих сторон»⁴. Действительно, в конце XVIII — начале XIX в. целый ряд представителей «русского» населения Австрийской монархии вступил на русскую службу и сыграл немалую роль в развитии отечественного просвещения, науки и культуры. Среди них можно упомянуть И. Орлая, П. Лодия, В. Кукольника, И. Балудянского и многих других. В 1830-х — 1840-х гг., по мере того, как в самой России усиливался интерес к славянской проблематике, контакты между представителями «Карпатской Руси», как нередко называли в России эти провинции Австрийской монархии, и представителями российских общественных и научных кругов расширялись. В переписке с первым поколением деятелей «русского» национального возрождения, так называемыми «будителями», состояли М.А. Максимович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский. Особую роль в становлении «русского» национального движения сыграл видный российский историк М.П. Погодин (в 1835 г. посетивший Львов), который затем активно переписывался с галичанами и присылал им русские книги и периодику. Большое значение развитию контактов с Россией придавали участники «Руськой тролицы», литературного кружка, объединившего вокруг себя «русскую» молодежь Львова. Стоит отметить, что как провинциальные власти, так и Вена с подозрением относились к деятельности подобных объединений, и в итоге именно из-за обвинений в пророссийской пропаганде кружок прекратил свое существование.

Несмотря на то что научно-культурные контакты между представителями русинов и российскими общественными кругами были достаточно активными, официальный Петербург проявлял весьма незначительный, чаще всего эпизодический, интерес к судьбам «русских» жителей Габсбургской монархии. Причина заключалась как в явном нежелании Петербурга вмешиваться во внутреннюю политику соседней монархии, в стремлении сохранить порядок, установленный на Венском конгрессе 1815 г., так

⁴ *Свенцицкий И.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. СПб., 1906. С. 107.

и слабости самого национального движения австрийских русинов, не имевших до революционных событий 1848 г. никакого политического опыта.

Ситуация начала меняться с 1860-х гг., когда произошли существенные изменения как во внутреннем устройстве Австрийской монархии, так и в ее взаимоотношениях с Российской империей. Преобразования во внутреннем устройстве Австрийской монархии, происходившие в 1860-х гг., послужили, среди прочего, началу нового подъема национального движения восточнославянского населения империи. В эти годы обозначились принципиальные противоречия между сторонниками пророссийской и украинской ориентации, которые в конечном итоге привели к формированию двух самостоятельных национальных движений. И если в 1860-х — 1870-х гг. более влиятельным было русофильское направление, то с началом 1880-гг. лидерство стало постепенно переходить к украинскому направлению, получившему в украинской исторической литературе название «народовецкого». Антиукраинский курс, взятый российским правительством после январского восстания 1863 г., наиболее явными проявлениями которого стали «Валуевский циркуляр» 1863 г. и Эмский указ 1876 г., привели к оттоку как людских, так и материальных ресурсов украинского движения из российской части Украины в Галицию⁵. При активной поддержке российских украинофилов в 1873 г. во Львове было создано Литературное (позднее, Научное) общество им. Шевченко (укр. — «Наукове товариство ім. Шевченка», НТШ), сыгравшее значительную роль в развитии украинского движения. Основателями общества выступили представители известных украинских фамилий — Скоропадских, Милорадовичей и др. Другим важным шагом в этом направлении стало начало издания в 1880 г. газеты «Діло» (само название, «Дело», говорило об оппозиции русофильскому «Слову») под редакцией А. Барвинского.

В этот период постепенно менялось и отношение официального Петербурга к восточнославянскому населению

⁵ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в). СПб., 2000. С. 200–202.

соседней империи. Антиукраинский курс внутренней политики в Российской империи стал причиной того, что украинское движение не только внутри страны, но и за ее пределами стало восприниматься в Петербурге как безусловно враждебное российской государственности. В эти годы оно все чаще начинает пользоваться поддержкой Вены в качестве противовеса как растущему польскому влиянию, так и возможным чрезмерным пророссийским симпатиям русофилов, что также усиливало негативное отношение к украинофилам со стороны официального Петербурга.

Тогда же, начиная с 1860-х гг., у российского Министерства иностранных дел, чья позиция нередко была определяющей в выработке внешнеполитического курса империи, появилась возможность ближе познакомиться с жизнью «руського» населения Австро-Венгрии и установить контакты с представителями тех или иных общественных направлений в его среде. В 1868 г. в Черновцах было открыто вице-консульство Российской империи, которое в следующем году стало консульством и в этом статусе действовало до 1914 года. Сотрудники консульства поддерживали достаточно тесные контакты с участниками русофильского движения на Буковине и не раз выступали с инициативой о предоставлении им материальной помощи с целью усиления и развития пророссийских настроений в среде местных русинов. Официальный Петербург сдержанно относился к идее субсидирования русофильских организаций, не желая осложнений в отношениях с Австро-Венгрией. На поднимавшийся неоднократно вопрос о необходимости оказания помощи представителям русофильского движения в Петербурге, как правило, отвечали отказом. Так, в 1903 г. российский консул в Черновцах А.И. Доливо-Добровольский (1866–1932) сообщал в МИД о бедственном положении сторонников русофильского направления в Буковине⁶. В поддержке русофильского

⁶ Гриценко І.А. Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія Історична. В. І. Чернівці, 1993. С. 78–92.

движения в Буковине и в других провинциях Австро-Венгрии Доливо-Добровольский видел один из способов противодействия развивающейся «украинофильской пропаганде», которая, по его убеждению, представляла собой реальную опасность для российских государственных интересов. Предложения консула в Черновцах не встретили поддержки ни в МИД, ни в российском посольстве в Вене. По словам посла в Вене П.А. Капниста это было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела соседней монархии⁷.

В 1893 г. было открыто консульство во Львове. Назначенный при его открытии консулом и бессменно оставшийся на этом посту на протяжении почти 20 лет К.П. Пустошкин также активно поддерживал контакты с русофильскими организациями и одной из основных своих задач видел противодействие динамично развивающемуся украинскому движению, которое считал креатурой одновременно венской и галицийской администраций⁸. Таким образом, уже в конце XIX в. в российском Министерстве иностранных дел располагали достаточно обширной информацией об общественно-политических движениях восточнославянского населения Австро-Венгрии, однако общая линия политики Петербурга в их отношении оставалась по-прежнему крайне пассивной.

Парламентская деятельность украинских и русофильских партий в освещении российских дипломатов (1907–1914)

Ситуация претерпела значительные изменения после проведения в Габсбургской монархии конституционной реформы 1907 г. Глобальные преобразования, наделившие

⁷ Грищенко І.А. Матеріали російського консульства в Чернівцях як джерело історії Буковини // Вісник центру буковинознавства. Серія Історична. В. І. С. 78–92.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

мужское население монархии всеобщим избирательным правом, не могли не привлечь внимания соседних держав, в том числе и России. Здесь хорошо осознавали важность тех изменений, которые, несомненно, должны были произойти во внутренней жизни Австро-Венгрии и, вероятнее всего, оказать существенное влияние на международные отношения в целом и на двусторонние контакты в особенности. Представители российского внешнеполитического ведомства внимательно наблюдали за ходом и результатами выборов. Особый интерес российских дипломатов вызывала ситуация в Галиции. Положение в этом регионе польского и «русского» населения, политические программы тех партий, которые претендовали на победу в избирательной кампании — все это должно было определить не только политический климат в самой Галиции, но и повлиять самым серьезным образом на развитие национальных движений в России. С немалым интересом российские наблюдатели отнеслись к усилению позиций «русских» представителей в парламенте. На долю русинов приходилась фактически треть мест, предоставленных Галиции в Рейхсрате (32 из 106). В «русском» представительстве посол в Вене Л.П. Урусов выделял три группы: «национал-демократическую или украинскую, старорусинскую или москалефильскую и радикальную»⁹. Посол высказывал предположение, что «в австрийском Рейхсрате русины, вероятно, сплотятся воедино и будут требовать совместно изменений в избирательной системе, установленной для Галиции национальной автономии с особым русинским сеймом во Львове и основания в этом городе украино-русинского университета»¹⁰.

Новая система формирования общеимперского парламента одной из основных своих целей имела снятие напряженности в межнациональных отношениях. Участие в парламентской деятельности представителей практиче-

⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г. Д. 133. Л. 86–88.

¹⁰ Там же.

ски всех национальностей, населяющих Австро-Венгрию, должно было способствовать урегулированию тех национальных противоречий, которые могли оказать существенное влияние на положение дел в империи. Однако, несмотря на то, что избирательная реформа имела огромное значение для развития многих национальных движений, противоречия в национальной сфере сняты не были. Напротив, некоторые из подобных конфликтов вышли на новый уровень развития, в том числе польско-русинские противоречия. Имеющий длительную и сложную историю, этот конфликт приобрел новые формы с началом нового политического этапа. С выходом на политическую арену новых сил польско-русинский конфликт в Восточной Галиции приобрел принципиально иной характер.

Особого накала польско-украинские противоречия достигли в 1908 г., когда на выборах в галицийский Сейм поддержка провинциальной администрации была оказана не украинским кандидатам, как это было на протяжении длительного периода, а русофилам. Реакция украинцев была крайне эмоциональной, если не истеричной. На страницах украинской прессы раздавались призывы к отмщению¹¹. Кульминацией стало убийство 12 апреля 1908 г. наместника Галиции А. Потоцкого украинским студентом М. Сичинским. Этот акт террора произвел огромное впечатление на общественное мнение не только Галиции, но и всей Австро-Венгрии. Здесь политические убийства в то время были крайне редкими, и выстрелы во Львове прозвучали неожиданно. Со стороны российских представителей в Австро-Венгрии последовала немедленная реакция. Выражая сожаления по поводу трагической гибели графа Потоцкого, российский посол в Вене Л.П. Урусов видел в произошедшем и толику вины самих галицийских властей: «Рассматривая беспристрастно данное преступление, нельзя не видеть в нем аналогию со столь многочисленными у нас политическими злодеяниями. Галиция полна

¹¹ *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. S. 224.

бежавшими из России политическими преступниками, коих польская печать и общественное мнение окружают ореолом героизма». В заключение посол выразил надежду, что, возможно, «трагическая смерть гр. Потоцкого несколько изменит отношение польского общественного мнения к нашим политическим преступникам»¹², а также повлияет на позицию австрийских властей в вопросе их экстрадиции.

Говоря о личности убийцы и причинах, толкнувших его на преступление, Урусов упоминал в донесении, что тот «по своему рождению принадлежит к деятельным агитаторам крайнофильской партии (Yungruthenen). Отец его, уже умерший, был униатским священником, депутатом сейма и выдающимся крайнофильским деятелем. Одна из сестер замужем за депутатом Рейхсрата др. Левицким, представителем крайнофильского национального комитета. Сам Сичинский еще с гимназической скамьи занимался политической агитацией, в прошлом году принимал деятельное участие в университетских беспорядках в Львове»¹³. Урусов считал, что именно позиция, занятая наместником по отношению к украинским партиям на выборах в Сейм, и стала причиной его гибели. По его словам, «убитый Штатгальтер старался относиться ко всем политическим партиям с возможною в местных условиях объективностью. Однако, будучи одним из выдающихся представителей польских консерваторов, он, должно быть, невольно вызвал ненависть со стороны крайнофилов. Последние, привыкшие к поддержке правительства в борьбе с русским элементом в Галиции, не могут простить консерваторам, решившим бороться с социалистическим направлением крайнофилов и помогавшим в последних сеймовых выборах русским (т. н. староруссинам) увеличить число своих мандатов»¹⁴.

¹² АВПРИ. Ф. 133. 1908. Д. 136. Л. 122–124.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

При этом соображения, по которым убитый наместник поддерживал русофилов, трактовались как сугубо прагматические. Несколькими годами позднее, в 1912 г., корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПБТА) С.П. Колосов в одной из своих записок высказал мысль, что, «поддерживая староруссов против украинцев, граф Потоцкий не имел в виду поощрение руссофильства в Галиции»¹⁵. Далее, со слов польской газеты «*Rzecz Pospolita*», он приводил слова покойного наместника: «Выборы кончились, дело улажено, но я не могу стоять на руссофильской точке зрения, ибо как наместник я могу признавать в Галиции только тех русских, которые исповедуют национальную малорусскую обособленность»¹⁶. Таким образом, нельзя было говорить о каком-либо решительном изменении курса в политике польской краевой администрации.

События 1908 г. послужили причиной усиления внимания к политической программе украинцев со стороны российских дипломатов. Все чаще они рассматривали украинское движение не как некое искусственно созданное, нежизнеспособное явление, а как серьезный политический феномен, требующий особого внимания ввиду той опасности, какую украинский сепаратизм мог бы представлять для целостности Российской империи. Первый развернутый аналитический доклад, посвященный возникновению и развитию украинского движения в Габсбургской монархии, представил поверенный в делах посольства в Вене С. Свербеев. Он отмечал, что на протяжении всего XIX века движение это существовало лишь благодаря поддержке венского правительства. Далее Свербеев подчеркивал, что племенная самобытность русинов не вызывала сомнений в Вене, поскольку «в указах своих и документах правительство открыто называет их *Russen, Rothrussen* и *Reussen*»¹⁷. Однако «с развитием в Европе в половине про-

¹⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 744/802. Л. 213–215.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

шлого столетия идеи национализма, проникшей также в Австрию, племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось в Вене опасным для Габсбургской монархии. С этого времени австрийское правительство стало употреблять все старания, чтобы обособить галицийских русских от их единоплеменников в России и не пренебрегало для этого никакими средствами и административными давлениями¹⁸. Таким образом, именно целенаправленные усилия Вены по созданию некоего обособленного от единого русского народа национального организма стали, с точки зрения Свербеева, истинной причиной возникновения украинского движения в Галиции и Буковине.

Образование «украинофильской или украинской партии» Свербеев относил к 1860-м — 1880-м гг., которые были, по его мнению, периодом культурного сепаратизма, постепенно, с 1880-х гг. (то есть со времени создания Народной Рады и Русько-украинской радикальной партии), вытеснявшегося сепаратизмом политическим. При этом автор записки подчеркивал решающую роль польской правящей верхушки в превращении украинского движения в реальную политическую силу, имеющую влияние не только в самой Галиции, но и за ее пределами. Именно польскому влиянию Свербеев приписывал явную антирусскую направленность украинофильства. «Теперь же, — писал он далее, — украинофилы стараются доказать полную обособленность украинского народа от русского, против которого они всегда будто бы боролись вместе с поляками. По их уверению, Украина до сих пор еще находится под игом России, от которого ее следует во что бы то ни было освободить, но этой цели можно достигнуть и образовать затем отдельное украинское государство лишь с восстановлением Польши»¹⁹. Следует обратить внимание на то, что, по мнению автора записки, украинцы связывают свои

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

¹⁹ Там же.

надежды с созданием независимого польского государства, хотя в реальности ни в программных документах ведущих украинских партий — Украинской национально-демократической и Русько-украинской радикальной, ни в работах ведущих идеологов украинского движения подобный тезис не выдвигался. Высказывание российского дипломата, очевидно, было продиктовано традиционным взглядом на украинское движение как на плод «польской интриги». Одновременно Свербеев отмечал, что «отношение польского населения к украинцам с течением времени, должно быть, изменится. Разыгравшееся несколько лет назад в Галиции под влиянием украинофилов аграрное движение не на шутку испугало поляков и наглядно доказало им опасность крайне радикального и даже революционного их направления. С той поры симпатии поляков стали постепенно переходить к старорусинам»²⁰.

Социальную базу украинского движения автор характеризовал следующим образом: «К украинской партии принадлежат чиновники, учителя средних учебных заведений и народных школ, профессора и высшее духовенство. За последнее время идеи ее стали проникать при помощи епископов в среду низшего духовенства, а через посредство этого последнего также и в крестьянство». Таким образом, по мнению Свербеева, украинская идеология все глубже проникает в народные массы, прежде полностью политически индифферентные.

Альтернативой украинскому движению Свербеев считал Русско-народную партию, политическую организацию русофилов, которая, однако, «до последнего времени не имела никакого значения не только в парламенте, но и в галицийском Сейме». Он писал, что сама Русско-народная партия относит свое возникновение ко времени присоединения Галиции к Австро-Венгрии, то есть к концу XVIII века, хотя, по его мнению, «как политическая партия она, очевидно, в то время существовать не могла, так-

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

же и в культурном отношении русский народ не имел самостоятельности, так как Польше удалось ополячить весь интеллигентный средний класс и лишь одно крестьянство и вместе с ним низшее духовенство сохранило неприкосновенной свою народность и осталось верным православия»²¹. Касаясь социального состава партии, Свербеев отмечал, что к ней принадлежат в основном «низшее духовенство и крестьяне, а из более интеллигентных классов только люди, пользующиеся независимым положением, как-то адвокаты и мелкие помещики». Следует отметить, что социальный состав украинских партий и Русско-народной партии был одинаковым, что объяснялось практическим отсутствием среди русинского населения иных социальных категорий, нежели крестьянство и немногочисленная интеллигенция. Таким образом, противоречия между этими двумя течениями носили не социальный, а исключительно национальный характер.

Причину политической слабости Русско-народной партии Свербеев видел прежде всего во враждебном отношении к ней венских властей, которым «племенное родство галицко-русского народа с населением России показалось опасным для Габсбургской монархии». Опасения эти поверенный в делах считал безосновательными, поскольку программа партии основывается на национальном и культурном единстве всех трех русских племен: велико-, бело- и малорусского, единства, не признающего для себя политических границ...; национальное это единство не может быть препятствием для политической лояльности и благонадежности». Залогом такой благонадежности, по его мнению, являлся политический консерватизм русофилов, который в то же время «не мешает сочувствовать и содействовать введению в стране социальных реформ, не выходящих из пределов своей религии и Габсбургской монархии»²². В завершение своего обзора Свербеев подчерки-

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

²² Там же.

вал, что «для нас украинская партия и вызываемое ей движение представляет, без сомнения, несравненно больший интерес, чем мирная политика Русско-народной партии». Объяснял это он тем, что, «будучи движением революционным, оно всячески старается содействовать подпольным силам, действующим у нас на родине».

С этой же точки зрения оценивал украинское движение посол в Вене Л.П. Урусов. Если поводом для записки Свербеева стало убийство наместника А. Потоцкого, то Урусов посчитал необходимым подробно осветить положение национальностей в Галиции после того, как в целом ряде австрийских изданий прозвучали обвинения в адрес России во вмешательстве во внутренние дела Австро-Венгрии и поддержке русского (русофильского) движения. Это дало повод Урусову составить докладную записку, предназначенную для министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В записке посол изложил свое видение ситуации в регионе. По его мнению, «в середине прошлого столетия, с проникновением в Австро-Венгрию национальной идеи, в Вене показалось опасным для Габсбургской монархии духовное и племенное родство такого многочисленного населения этих двух земель (Галиции и Буковины. — *М. К.*) с Россией. Поэтому правительство стало принимать все меры, чтобы обособить русских в Галиции и Буковине [...] насколько возможно, развить среди населения идею самостоятельной украинской национальности, отличной от русской»²³. Посол высказывал убеждение, что в этом правительство «нашло деятельную поддержку со стороны поляков и униатского духовенства», и лишь присущий украинскому движению радикализм в результате привел к тому, что поляки перестали поддерживать его.

В качестве альтернативы «искусственному» украинскому движению посол рассматривал русское или русофильское движение, которое, признавая культурную и духовную связь своей земли с Россией, и «являлось истин-

²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 130. Л. 121–122.

ным выразителем интересов и настроений своего народа». В конце записки посол сделал вывод о том, что «усиление и развитие украинофильской партии крайне нежелательно. Партия эта своею деятельностью, направленной к развитию украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии, где также имеют влияние проповедуемые ей крайние воззрения [...] Что же касается русской народной партии, то развитие ее нам только полезно, этим создается дружественный нам элемент на той же границе»²⁴. При этом посол призывал воздерживаться от открытой поддержки русофилов, указывая на возможные осложнения в австро-русских отношениях.

Восприятие украинского движения исключительно как результата «польской интриги», прозвучавшее в докладной записке Урусова, было вполне традиционным для сотрудников Министерства иностранных дел и даже возникло несколько ранее, нежели концепция интриги венской. Подобные взгляды широко были распространены в российских консервативных кругах, к которым принадлежала значительная часть сотрудников внешнеполитического ведомства. Так, бывший консул во Львове К.П. Пустошкин считал «создание украинства» плодом совместных усилий «трех государственных мужей: графа Бадени, нынешнего наместника Галиции Бобжинского и кардинала Сембратовича»²⁵, когда им потребовалось «еще больше ослабить русскую партию, вселить в ней раздоры, чтобы окончательно стереть само имя русское [...] в Галиции»²⁶.

Именно с целью уничтожения «всего русского», прежде всего идеологии общерусского единства в Прикарпатской Руси, по мнению автора записки «был выписан» во Львов профессор Михаил Грушевский. Пустошкин довольно едко интерпретирует научную концепцию Грушевского: «Укра-

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 130. Л. 121–122.

²⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

²⁶ Там же.

инцы, по заявлению почтенного ученого, совершенно не русские; это особенный народ... слово “русский” — понятие собирательное, так как состоит из двух совершенно отличных народов: из москалей, у которых преобладает монгольская кровь, и украинцев, чистых славян. Украинцы всегда воевали с Москвой и только благодаря предательству Хмельницкого присоединены в 1654 г.»²⁷ Интересно отметить, что Пустошкин в своей записке увязывал конечную цель украинского движения — создание самостоятельного государства, с реализацией аналогичной польской задачи. По его мнению, были «приложены всяческие старания, чтобы оторвать малороссов от России миражами “Самостийной Украйны” под эгидой восстановленной Польши»²⁸.

Таким образом, российские наблюдатели сходились во мнении, что украинское движение в Габсбургской империи было создано искусственно и является не самостоятельным движением, но инструментом в руках Вены или же «поляков», то есть галицийской администрации. Но каковы же были, по их мнению, цели создателей «украинства»? Прежде всего, это раскол в среде «руського» населения в самой Габсбургской империи и ослабление в нем осознания своего единства с русским народом. В приведенных выше записках сотрудников русского посольства в Вене не раз подчеркивалось, что именно «племенное единство» русинов с населением Российской империи, их стихийное осознание общерусского единства воспринимались в Вене с большим неудовольствием. При этом российские наблюдатели обращали внимание на еще одну, не менее существенную задачу Вены — ослабить чрезмерное польское влияние в крае. М.Н. Гирс, сменивший на посту посла в Вене Л.П. Урусова, так писал о причинах позитивного отношения к украинскому движению и польской элиты, и центральной администрации: «Украинское движение [...] поддерживаемое, с одной стороны, правительством как

²⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 289/291. Л. 2–16.

²⁸ Там же.

средство бороться против польского влияния, с другой стороны, теми же поляками, как противовес могущему возникнуть русскому движению»²⁹. Стоит отметить, что Гирс, в отличие от своих коллег, не считал украинское движение созданным в Габсбургской империи, но писал, что в 1880-х гг. оно было перенесено сюда из России, но именно здесь сумело достичь значительных успехов.

«Очаг сепаратизма на нашей границе»: университетский вопрос глазами российских дипломатов

«Университетский вопрос» или вопрос о создании во Львове университета с преподаванием на украинском языке оставался одним из наиболее сложных эпизодов общественно-политической жизни Галиции в первые годы XX века вплоть до начала Первой мировой войны. Именно в нем наиболее ярко отразились такие процессы, как усиление польско-украинских противоречий по мере развития двух национальных движений, рост влияния центральной имперской администрации на решение, казалось бы, сугубо внутргалицийских проблем и, наконец, усиление внешнеполитического влияния национальных движений, в том числе украинского.

Борьба за создание украинского университета имела длительную историю. Львовский университет был основан в 1774 г. Несмотря на то что одной из целей создания университета было «удовлетворение культурных нужд русинов», обучение в нем велось преимущественно на польском языке. Создание в университете ряда кафедр, где преподавание велось на «русинском», то есть, фактически, на украинском языке, являлось одним из условий заключения польско-украинского соглашения 1890 г., известного как «соглашение Бадени-Романчука». Однако, несмотря на то что в 1892 г. была создана, в частности, кафедра украинской (в официальных документах — вос-

²⁹ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 599. Л. 49.

точнославянской) истории, которую двумя годами позднее занял молодой ученый из Киева М.С. Грушевский, сыгравший впоследствии значительную роль в развитии украинского движения, вопрос о дальнейшем развитии образования на украинском языке оставался открытым.

Стремление к созданию в стенах Львовского университета украинских факультетов, то есть утрата его «польскости», вызывало резкое неприятие польской общественности. Не было ни одной партии, готовой пойти на уступки в этом вопросе. В 1903 г. на съезде польских политиков основной задачей была провозглашена борьба против «украинизма» и «германизма», а на проведенном в ответ украинском съезде было заявлено о необходимости вести массовую работу для защиты национальных прав. Львовский университет оказался в эпицентре национальной борьбы³⁰. М.С. Грушевский писал, что «украинский университетский вопрос... идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»³¹. «Когда в крае воцарялось спокойствие, в университете происходила какая-нибудь авантюра»³², — писал другой непосредственный свидетель и участник происходившего наместник Галиции М. Бобжиньский.

Новый виток борьбы вокруг «университетского вопроса» начался в 1910 г. На этот раз инициатором конфликта стала польская сторона. В начале года совет университета выступил с заявлением, в котором говорилось о необходимости сохранения и защиты польского характера университета. Это вызвало острую ответную реакцию со стороны Украинского клуба в Рейхсрате и Сейме, с протестом выступали профессора-украинцы, вновь прозвучали требования о создании украинского университета. В апреле того же года польские студенты организовали так называемую

³⁰ *Зашкільняк Л., Крикун М.* Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 418.

³¹ *Грушевський М.* Над свіжою могилою // Літературно-науковий вісник (ЛНВ). 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.

³² *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław–Kraków, 1957. S. 302.

«блокаду» университета, не допуская проведения студентами-украинцами никаких собраний и постоянно устраивая против них провокации. Ситуация постепенно накалялась, и 19 мая украинские студенты созвали в стенах университета собрание, на котором потребовали от правительства скорейшего разрешения университетского вопроса, а от сената — снятия блокады и обеспечения студентам-украинцам возможности спокойно посещать занятия³³. Напряжение усилилось, когда в конце июня украинские студенты организовали всеобщее собрание, на которое, помимо львовян, съехалось несколько десятков студентов из других городов³⁴. В свою очередь, польские студенты вступили с украинцами в настоящее сражение, забаррикадив выход из аудитории, в которой собрались украинцы. Драка между студентами закончилась перестрелкой, в которой погиб украинский студент А. Коцко, были ранены с обеих сторон. Опасаясь, что похороны убитого студента будут превращены украинцами в демонстрацию, наместник предпринял все возможные меры безопасности. Никаких инцидентов не произошло, однако этот трагический случай красноречиво свидетельствовал о том, насколько накалена обстановка в университете.

Посол России в Вене Л.П. Урусов, с большим вниманием следивший за событиями в Галиции, отметил в своем донесении, что «эти беспорядки не явились неожиданностью. Взаимные отношения между польскими и украинскими студентами всегда были враждебными и между ними неоднократно происходили более или менее серьезные столкновения»³⁵. Оценивая политическое значение львовских событий, Урусов отмечал, что, хотя они и не приведут к организации отдельного украинского высшего учебного заведения, но создадут новые затруднения правительству, которому приходится учитывать позиции

³³ *Bobrzynski M. Z moich pamiętników. Wrocław—Kraków, 1957. S. 302.*

³⁴ *Spectator. Процесс 101 // ЛНВ. 1911. Т. 54. Кн. 5. С. 362–377.*

³⁵ *ВВРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133–135.*

обеих сторон³⁶. Очевидно, по мнению Урусова, что правительство постарается найти компромиссное решение, поскольку «ему одинаково невыгодно вооружить против себя и поляков, и украинцев. От первых зависит правительственное большинство в Парламенте. Украинцы же необходимы Австро-Венгерскому правительству как противовес влиянию поляков в Галиции, а, кроме того, из Вены должны поддерживать эту, искусственно созданную Австрией, партию, в особенности после того, как Русская партия получила политическое значение»³⁷. В конце донесения посол приходил к выводу, что позиция Вены, от которой и зависело в итоге решение проблемы, была непосредственно обусловлена политическим расчетом. Необходимость сохранить политическое равновесие в Галиции, с одной стороны, и не допустить усиления здесь пророссийских настроений — с другой, вынуждали правительство приложить все возможные усилия для урегулирования конфликта.

Посол отмечал также, что за последнее время, несмотря на усилия со стороны властей сгладить ситуацию, противостояние между польским и украинским студенчеством только усилилось: «не дожидаясь результата переговоров между вождями украинской партии и правительством по этому вопросу, радикально настроенная университетская молодежь решила на месте доказать невозможность сожителства представителей обеих национальностей в стенах одного и того же университета»³⁸. Основную вину за кровавый оборот посол возлагал на украинцев, поскольку именно они первыми пустили в ход огнестрельное оружие, отмечая, что польское студенчество «тоже виновно в этом прискорбном событии, своим нетерпимым отношением всячески раздражая студентов других национальностей»³⁹.

³⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 133.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

На принципиально новый уровень университетский вопрос вышел в 1912 г. Считая, что «университет украинцы должны получить из рук центрального правительства»⁴⁰, украинские представители основную борьбу по этому вопросу развернули в общеимперском парламенте. При этом украинцы подчеркивали, что создание украинского университета необходимо и для самой Австро-Венгрии. Как заявил несколько позднее, в мае того же года, депутат Окуневский, если Россия одумается, изменит свою национальную политику и «начнет собирать свой народ», положение Австрии заметно осложнится⁴¹. Внешнеполитический аспект проблемы создания украинского университета был очевиден и для венского кабинета. По свидетельству К. Левицкого, одного из руководителей украинского парламентского представительства, министр иностранных дел А. Эренталь, отвечая на вопрос украинского политика о значении украинского университета, прямо заявил, что необходимо удовлетворить основные требования украинцев, с тем чтобы у них не было бы оснований тяготеть к России, а также и у России не было бы оснований вмешиваться во внутренние дела Австрии, что могло бы послужить *casus belli*, и что открытие университета — это первое, что должна сделать Австрия, дабы опередить Россию⁴².

В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему — парламентскому бойкоту, который грозил сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Это, несомненно, побудило правительство пойти навстречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу. В начале мая министр-президент Цислейтании К. Штургк

⁴⁰ *Ignotus*. З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.

⁴¹ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 613.

⁴² Там же. С. 606.

пригласил к себе К. Левицкого и в доверительной беседе сообщил ему, что правительство со дня на день предложит свой проект разрешения университетского вопроса⁴³. Вскоре начались переговоры об условиях создания украинского университета. Действия правительства как одного из участников переговорного процесса во многом способствовали тому, что стороны перешли к конкретному обсуждению пунктов соглашения, однако сохранялись те непримиримые противоречия, которые не позволяли ситуации сдвинуться в мертвой точки. Польские партии, и прежде всего Национально-демократическая, всегда последовательно выступавшая против создания украинского университета, в целом одобрительно отнеслись к проекту. Однако с их стороны были выдвинуты следующие требования: университет должен находиться в другом городе, одновременно должен быть признан польский характер Львовского университета, профессора-русины не должны иметь права голоса при обсуждении дел университета. Также предлагалось отменить преподавание на «русском» языке.

В мае 1912 г. правительство выступило с предложением, согласно которому в послании императора не будет говориться о месте создания украинского университета. Кроме того, правительство предложило профессорам-русинам принимать участие в обсуждении лишь тех вопросов, которые непосредственно касаются подготовки к созданию самостоятельного университета. Согласно предложениям правительства, польский характер университета признавался бы в отдельном положении письма императора, поскольку ранее польский язык уже был признан языком управления, преподавания и экзаменов во Львовском университете. Преподавание же на «русском» языке сохранялось «в виде исключения» до создания самостоятельного украинского университета. Представители Украинского парламентского клуба подобные предложения отвергли,

⁴³ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 98. С. 612.

расценив их как провокацию с польской стороны. Российский посол Н.Н. Гирс отметил, что «украинский парламентский клуб категорически отверг такие условия как неприемлемые, считая, во-первых, что вопрос об университете нельзя ставить в связь с обструкцией, так как последняя будет продолжаться до тех пор, покуда не будет проведена угодная украинцам выборная Сеймовая реформа, отказываясь от обструкции, они тем самым соглашаются с желаемой польским большинством Сейма реформой, что невозможно. Во-вторых, 10-летний срок, то есть переходное время, есть не что иное, как требование польского клуба, имеющего в виду за этот срок окончательно ополычить существующий ныне университет, причем украинцам не дается никаких гарантий, когда, где и как будет учрежден их самостоятельный университет. Что же касается месторасположения одного, то он не может быть иным, как тот же Львов, столица Червонной Руси, иначе, по мнению клуба, и самый университет не имеет смысла. Соглашаясь на какой-либо другой город Галиции, украинцы тем самым уступили бы полякам все права, как на Львов, так и на всю провинцию»⁴⁴. Таким образом, с точки зрения российского дипломата, украинцев не устраивал вариант, фактически исходящий из польских кругов и защищающий в большей степени польские национальные интересы.

С целью вынудить парламентский Украинский клуб прервать обструкцию 18 июня с письмом к украинцам обратился император Франц Иосиф. В письме он отмечал их патриотизм и выражал огорчение, что они тормозят ход военной реформы. При этом император впервые употребил понятие «украинский» вместо традиционного «рутенский» (Ruthenen), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового термина⁴⁵. Письмо императора произвело нужное впечатление, и украинский клуб приостановил обструкцию. Употребление ново-

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

⁴⁵ Щеголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 369.

го этнонима вызвало негодование с польской стороны, и министр внутренних дел барон Гейнольд вынужден был извиниться за «ошибку».

То, что университетский вопрос имел не только внутриполитическое значение, но мог оказать большое влияние и на русско-австрийские отношения, было очевидно и для российских наблюдателей. В уже процитированной выше записке посол в Вене Гирс также обращал особое внимание на то, что «учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей малорусской квази-интеллигенции. Рассадник “украинского просвещения”, конечно, не имел бы других целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству»⁴⁶. Позицию центрального австрийского правительства в университетском вопросе Гирс оценивал достаточно скептически, отметив, что она, несомненно, во многом определяется внешнеполитическими факторами, а именно желанием Вены усилить влияние украинской идеи не столько в самой Австро-Венгрии, сколько в Российской империи. Так, сообщая позднее о прекращении украинским клубом обструкции военным законам, Гирс отметил, что «поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»⁴⁷. При этом посол высказал уверенность в том, что «австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем. Нельзя отрицать вреда, который может принести нам создание малороссийского университета в Галиции, ввиду несомненно существующего в России сепаратистического течения. Я не берусь судить о

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.

⁴⁷ Там же. Л. 73–75.

степени опасности, представляемой им для нас, хотя убежден, что расчеты наших недоброжелателей в этом вопросе очень преувеличены»⁴⁸. Рассуждая о том, какую линию поведения следует выбрать российской дипломатии, посол отметил, что, несмотря на то, что «воздействовать против учреждаемого университета мы не можем, но от нас зависит не слишком подчеркивать в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁴⁹.

Центральное правительство, опасаясь того, что решение университетского вопроса, а следовательно, и польско-украинское примирение будут отложены на неопределенный срок, выступило с новыми предложениями, согласно которым предполагалось ускорить создание украинского университета, и открыть его уже в 1916 г., признав Львовский университет исключительно польским. 1 декабря 1912 г. начался новый тур польско-украинских переговоров. Принципиальным пунктом, который оставался основным предметом дискуссии между сторонами, по-прежнему было признание польского характера Львовского университета. При этом украинская сторона была воодушевлена благосклонным отношением к ее представителям императора на его встрече с депутатами в Будапеште в ноябре того же года. На этой встрече К. Левицкий в беседе с Францем Иосифом настойчиво подчеркивал, что лояльность украинского населения Австро-Венгрии во многом зависит от того, насколько Вена будет склонна удовлетворить его культурные потребности, в том числе и в сфере высшего образования. Со своей стороны, поляки активно отстаивали свою позицию, стремясь доказать, что «польскость» не только университета, но и самого Львова находится под угрозой. Несмотря на эти постоянные противоречия, к концу декабря в деле переговоров наметился определенный прогресс. В ответ на высказанные польски-

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.

⁴⁹ Там же.

ми представителями опасения о том, что 10-летний переходный период пагубно отразится на польском характере Львовского университета, министр просвещения выдвинул предложение сократить переходный период до четырех лет, и таким образом украинский университет должен был быть создан уже к 1916 г.

Анализируя результаты переговоров, посол в Вене Гирс, отмечая «принципиальную решенность» вопроса, отмечал все же некоторые различия в польских и украинских формулировках. В изложении посла условия украинской стороны звучали следующим образом: до учреждения «рутенского» университета (Гирс отметил, что слово «рутенский», то есть официальное название восточнославянского населения Австро-Венгрии, не без умысла употребляется вместо слова «украинский») во Львовском университете никаких перемен не предвидится. В 1914 г. правительство обязалось внести в Рейхсрат закон об учреждении самостоятельного «рутенского» университета. Если до октября 1916 года законопроект не станет еще законом, то будет основана декретом правительства самостоятельная высшая школа с преподаванием на «рутенском» языке. Одновременно с созданием «рутенского» университета или такой высшей школы состоится признание за ныне существующим Львовским университетом исключительно польского его характера⁵⁰. При этом последствия создания украинского высшего учебного заведения «близ нашей границы», Гирс оценивал как негативные, поскольку «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резком к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие на умы населения наших юго-западных губерний»⁵¹. Еще более негативную оценку перспективе создания украинского университета давал

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 131–132.

⁵¹ Там же.

поверенный в делах посольства в Вене Н.А. Кудашев. Будучи активным противником украинского движения, он писал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi- научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»⁵². О том, что создание украинского университета во Львове имеет не только внутри-, но и внешнеполитическое значение и во многом создается именно с целью воздействия на украинское движение в России, писал в одном из своих обзоров В. Сватковский, корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства. По его словам, «идейным основанием (соглашения) является увенчание так называемой украинской национальности украинским университетом, рассадником украинской культуры и интеллигенции, как здесь надеются, не в одной Габсбургской монархии, но и в России»⁵³. Подобное отношение к возможности возникновения на территории соседнего государства украинского университета высказывали и представители других российских ведомств. Так, в сводке агентурных сведений разведывательного отделения Киевского военного округа также высказывалось твердое убеждение, что «львовский украинский университет построен не для украинцев-австрийцев. Он имеет целью дать возможность украинцам русским... поступить в родной национальный университет и там дополнить свое политическое воспитание. Таким образом, Львовский университет будет служить постоянным связующим звеном между украинцами русскими и австрийскими»⁵⁴.

Несмотря на то что российские наблюдатели говорили об украинском университете как о решенном вопросе,

⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52–54.

⁵³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745/802. Л. 57–66.

⁵⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1388. Л. 55.

участники переговорного процесса к концу 1912 г. еще не пришли к соглашению. Наиболее сложной в обсуждении стала проблема гарантий «польскости» львовского университета — с одной стороны, и соблюдения прав украинцев — с другой. На протяжении 1913 г. украинские представители в Рейхсрате неоднократно пытались вернуться к вопросу о создании университета. Основной акцент теперь ими делался на том, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) сделает его неуязвимым для русофильской агитации⁵⁵. В то же время украинцы практически отказались от своего прежнего намерения не связывать решение университетского вопроса с подготовкой избирательной реформы и все чаще говорили об одновременном решении этих важнейших для украинского движения вопросов⁵⁶. Новый импульс процессу был придан уже в начале 1914 г., когда митрополит А. Шептицкий, приняв участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Успешное окончание переговоров по избирательной реформе сделало возможным и компромисс. Польская сторона наконец выразила согласие на возобновление переговоров, более того, готова была смягчить свои требования⁵⁷. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание учебного заведения в дело далекого будущего.

⁵⁵ *Левицкий Л.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 678.

⁵⁶ *Клопова М.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М., 2016. С. 196.

⁵⁷ *Левицкий Л.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 686.

В ходе кампании за создание университета галицийские украинцы сумели утвердить себя в качестве выразителей интересов всего восточнославянского населения Габсбургской империи, что позволило им заметно продвигаться по пути консолидации украинского движения Австро-Венгрии. Одновременно украинцы Восточной Галиции позиционировали себя как авангард национального движения украинского народа по обе стороны австро-российской границы. Однако следует отметить, что такое декларированное украинское единство, несмотря на несомненные успехи австрийских украинцев, оставалось все еще недостижимым. Более того, активная, даже иногда агрессивная, интеграция в общеимперскую политическую систему, которую проводили представители украинского движения в Австро-Венгрии, препятствовала их сближению с единомышленниками в России. В конечном итоге успешное для украинской стороны завершение борьбы за создание украинского университета было успехом именно австрийских украинцев, но не украинского движения в целом.

Украинское движение во внешнеполитических расчетах Вены и Петербурга

1912–1914 гг. стали важнейшим этапом в развитии системы международных отношений. Завершилось формирование военно-политических блоков — Антанты и Тройственного союза, обозначились основные «болевые точки» в европейской политике. В отношениях России и Австро-Венгрии, принадлежавших к противоборствующим блокам, стало очевидным нарастание напряженности, чреватой в будущем военным столкновением. Изменение международной ситуации не могло не сказаться и на развитии национальных движений в рассматриваемом регионе. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования в своих интересах национальных движений в случае возникновения межгосударственного

конфликта. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях в Вене все более позитивно относились к украинскому движению. Прежде всего, Габсбургской империи была жизненно необходима внутренняя консолидация, возможная лишь при разрешении основных национальных конфликтов, к числу которых принадлежал и польско-украинский. Сохраняла свою актуальность традиционная причина поддержки Веней украинского движения — создание противовеса польскому влиянию в Галиции. Наконец, поддержка австрийскими властями украинского движения в пределах Габсбургской монархии могла бы способствовать росту проавстрийских настроений не только среди ее восточнославянского населения, но и среди украинского населения Российской империи. Нет сомнений, что в Вене и раньше отчетливо осознавали реальную возможность использования украинского движения в Галиции против России. Не случайно в первый раз открытая поддержка украинскому движению была оказана на рубеже 1870-х — 1880-х гг., когда столкнулись интересы России и Австро-Венгрии на Балканах. В XX веке украинское движение вновь привлекло внимание австрийского правительства не только в качестве противовеса польскому влиянию в Галиции, но и как возможный инструмент внешней политики в ходе аннексионного кризиса 1908 г. По выражению поверенного в делах посольства в Вене С. Свербеева, австрийское правительство «сочло снова необходимым задобрить враждебный нам элемент на нашей границе, и идет навстречу украинофильским вожделениям»⁵⁸. Свербеев высказывал убежденность, что это напрямую связано с кризисом в австро-российских отношениях, поскольку «за последние годы, вместе с улучшением наших отношений с Австро-Венгрией, центральное венское правительство решилось было лишить своего покровительства радикальную пропаганду младорусин»⁵⁹, теперь же

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.

⁵⁹ Там же. Л. 177.

они вновь обрели поддержку Вены. Также поверенный в делах отметил, что подобная политика поддерживалась и Германией, которая, «не доверяя России и опасаясь ее, видела в революционных тенденциях украинцев, стремящихся к объединению с нашей Малороссией, своего естественного союзника»⁶⁰.

Все чаще усилия правительства в Вене были направлены на то, чтобы, удовлетворив часть требований украинцев в Галиции, сделать, по выражению министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя, «Галицию центром притяжения всей украинской национальности», имея в виду отнюдь не только русинов Австро-Венгрии, но и малороссийское население соседней империи⁶¹. Эренталь был одним из первых австрийских политиков имперского масштаба, осознавших возможность использования украинского движения для решения не только внутри-, но и внешнеполитических задач в условиях роста напряженности в отношениях с Россией. Летом 1911 года состоялась его встреча с К. Левицким. Последний вспоминал, что был удивлен, насколько хорошо осведомлен Эренталь о ситуации в Галиции, в том числе и о польско-русинских отношениях. Как с сожалением отмечал Левицкий, со смертью Эренталя подобные контакты практически прекратились⁶².

Мысли о внешнеполитическом значении украинского вопроса в Габсбургской монархии периодически высказывали и видные украинские политики. Так, еще в 1908 г., желая подчеркнуть симпатии к Габсбургам не только галицийских и буковинских украинцев, но и их малороссийских соплеменников, один из активных деятелей украинского движения К. Трилёвский заявлял, что центр украинского движения, «находящийся теперь в Киеве, может быть перемещен во Львов»⁶³. Позднее, в связи с обсуж-

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 178.

⁶¹ *Mittler A.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией // Исследования по истории германского империализма. М., 1978. С. 214–224.

⁶² *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців.. С. 612.

⁶³ АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213–215.

дением вопроса об украинском университете в Австро-Венгрии, украинский историк и политик А. Колесса отметил в одном из своих парламентских выступлений, что «правительство должно понимать, что путем создания украинского университета во Львове и присвоения НТШ статуса Академии... центр культурной жизни всего украинского народа переносится на галицкую почву»⁶⁴. Тем не менее интерес австрийских верхов к украинскому движению как фактору внешней политики был еще непостоянным.

Ситуация постепенно начала меняться в 1912 г., когда с ростом международной напряженности, а в данном контексте и напряженности в австро-русских отношениях, Вена вновь обратила внимание на украинское движение. Несмотря на то что основная часть украинских депутатов заявляла о своей оппозиции правительству, с их стороны все чаще раздавались антирусские высказывания, находившие поддержку у части австрийских политиков. Наиболее последовательно выступал с этих позиций лидер буковинских украинцев Н. Василько, еще недавно заверявший русского консула в Черновцах, что лично он является искренним другом русского народа⁶⁵. Посол в Вене Н.Н. Гирс в одном из своих донесений подробно передал содержание речи Василько, который в начале марта 1911 г. «заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»⁶⁶. Василько обвинил российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с кото-

⁶⁴ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 543.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 155. 1–4. Оп. 456. 1903 г. Д. 29. Л. 16–41.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.

рым украинцы ничего общего не имеют»⁶⁷. Оратор высказал надежду, что австрийское правительство предпримет самые энергичные меры против русской пропаганды в Галиции и Буковине. Сочтя, что «подобная речь представителя партии, пользующейся поддержкой Австрийского правительства, не может способствовать улучшению отношений между обоими государствами», Гирс обратился к временному управляющему Министерством иностранных дел барону Мюллеру «с просьбой передать министру... сколь я поражен и огорчен речью г-на Василько, которая отнюдь не может способствовать улучшению отношений между обоими правительствами, к которому, насколько мне известно, стремится г-н Эренталь»⁶⁸. Представитель министерства с сочувствием выслушал слова российского посла и заверил его, что австрийский министр иностранных дел А. Эренталь огорчен провокационной речью депутата Василько не меньше его. Однако посол с горечью отметил, что вряд ли все в Вене разделяют подобную позицию, поскольку «в газетах появилось известие о том, что император Франц Иосиф в Будапеште на приеме... обратился к г-ну Василько и благодарил его за патриотическую деятельность в Делегациях»⁶⁹.

Следует отметить, что основной акцент в своих анти-русских выступлениях украинские политики делали на противодействии усиливавшейся, по их мнению, российской агитации в регионе, которая могла бы нанести вред Габсбургской империи. При этом они прямо обвиняли как российских представителей в Австро-Венгрии, так и официальный Петербург в инспирировании и поддержке русофильского движения, представляя его, таким образом, исключительно как российскую креатуру. Примером может служить речь Ю. Романчука по вопросу о русской агитации в Галиции. Романчук, будучи одним из наиболее

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

умеренных украинцев, заявил, что русины имеют полное основание желать добрых отношений Австрии с Россией, но в России в последнее время в газетах было заметно враждебное Австрии течение, имеющее целью внушить русинам, что они не составляют отдельной народности, а должны соединиться с русскими и перейти в православие. Депутат подчеркнул, что «эта пропаганда причиняет в Галиции немалый вред, тем более, что в Галиции существует русофильская партия, которая желает слиться с русской национальностью вследствие недостатка веры в самое себя и вследствие способа обращения с нею правительства и господствующей партии»⁷⁰.

Наметившаяся тенденция вызывала недовольство со стороны российских наблюдателей. Поддержка украинцев в Галиции и Буковине рассматривалась как одновременное содействие украинскому сепаратизму в России. Анализируя позицию официальной Вены, Гирс писал, что «остается допустить, что поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»⁷¹. По его словам, в последние дни «в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишённые находчивости подтасовки общеизвестных исторических фактов. От чтения этих статей остается впечатление, будто Малороссия своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества»⁷². Особое внимание Гирс обратил на то, что такие статьи, не редкие для галицийской прессы, появлялись в эти дни в близких правительству органах, как, например, «Oesterreichische Rundschau», что произвело на него весьма негативное впе-

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 59–61.

⁷¹ Там же. Л. 73–75.

⁷² Там же.

чатление. Посол неоднократно подчеркивал, что, «поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»⁷³.

Касаясь позиции самой России в этом вопросе, Гирс отмечал, что, не имея возможности вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, она, тем не менее, может существенно ослабить позицию украинцев, «не слишком подчеркивая в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁷⁴. Таким образом, российский посол придерживался традиционного для российской дипломатии подхода к становившемуся все более актуальным вопросу использования националистических движений народов Австро-Венгрии во внешнеполитических целях. Следует отметить при этом, что значительно большее значение российские наблюдатели придавали активизации польского движения и контактам с ними представителей австрийских верхов. Особое беспокойство вызывала поддержка австрийскими властями польских воензированных формирований — «Сокола» и «Стрелецкого союза», в которых видели реальную силу, способную нанести Российской империи чувствительный удар⁷⁵.

Следует отметить, что украинские политики, заверяя Габсбургов в своей лояльности и подчеркивая угрозу, исходящую из России, преследовали свои прагматические цели. Они полагали, что Вена, желая сохранить и развить лояльность «русинов», поддержит их требования (в первую очередь, о создании украинского университета) именно потому, что оно имело бы важное внешнеполитическое значение. При этом улучшение австро-российских отношений было для украинских политиков очевидно нежелательным. Именно поэтому они с большим опасением воспри-

⁷³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 467. Д. 745/802. Л. 27.

няли назначение в конце 1913 г. нового российского посла в Вене Н.Н. Шебеко. В австрийской прессе активно обсуждались предположения, что одной из задач нового посла является достижение соглашения между Австро-Венгрией и Россией, в том числе и по вопросу о статусе русского языка в Галиции⁷⁶. Это вызвало беспокойство со стороны украинских представителей в Рейхсрате, в результате чего К. Левицкий и Н. Василько обратились с запросом о полномочиях вновь назначенного российского посла Н.Н. Шебеко. В запросе содержались сведения о миссии, возложенной якобы на Шебеко, «достигнуть соглашения с Австрией по вопросам, касающимся Галиции»⁷⁷. Выступая 12 декабря 1913 г. на заседании парламента с запросом, К. Левицкий заявил, что «критическая точка внешней политики лежит теперь не на юге, в Албании, а на востоке, в Галичине, где существует реальная опасность войны». В конце Левицкий подчеркнул, что основной заботой Австрии должен быть не страх перед Россией, а улучшение положения ее собственных народов и предложил заменить краевую автономию автономией народов.

В апреле 1914 г. Василько и Левицкий вновь обратились к министру иностранных дел Берхтольду с запросом по поводу обложения в России особой таможенной пошлиной книг и газет на малороссийском языке, что было расценено ими как попытка прямого вмешательства во внутренние дела иностранного государства⁷⁸. Позднее теми же делегатами-украинцами внесен был по адресу министра иностранных дел другой запрос. Поводом стали слова российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В своей речи в Государственной думе в мае 1914 г. министр выразил надежду, что «австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное в последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное

⁷⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 31.

⁷⁷ Там же. Л. 27.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

движение, стремящееся создать затруднения в русских пограничных губерниях, нарушало добрососедские отношения обеих держав»⁷⁹. Эти слова дали украинским лидерам повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения и что, напротив того, из соседнего государства ведется русофильская и австрофобская агитация», и обвинить Сазонова в том, что «эта часть речи русского министра может быть понята следующим образом: что противодействие этому движению Министр считает русофобией, с одной стороны, отождествляя с этим себя самого, с другой, требуя его спокойного допущения австрийским правительством». Далее депутаты заявили, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Галиции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»⁸⁰. В конце украинцы обратились к министру иностранных дел графу Берхтольду с рядом вопросов, сводившихся к тому, были ли известны министру эти заявления до представления их в Думе и не считает ли он эти заявления попыткой вмешательства во внутренние дела монархии. В ответ на запрос украинцев граф Берхтольд не без раздражения заявил: «Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василько признали недостаточными. Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения не обоснованы»⁸¹. В конце Берхтольд заверил украинских депутатов, что австрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австрийских украинцев.

Вскоре в австрийском Рейхсрате прозвучали новые обвинения в адрес России со стороны украинских депутатов.

⁷⁹ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 338.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

⁸¹ Там же. Л. 4.

По сообщению посла Н.Н. Шебеко, «большинство ораторов резко критиковали заявления гр. Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. При этом указали на усиление вооружения России, на антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение будто бы страны целой армией русских шпионов, как на весьма тревожные симптомы, противоречащие заявлениям министра иностранных дел»⁸². Граф Берхтольд вновь не отрицал «прискорбного факта анти-австрийской агитации в Галиции», заверив, что «правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник коего кроется в известных политических течениях в соседнем Государстве»⁸³. В качестве примера министр сослался на недавний процесс над русофилами во Львове. Важно отметить, что один из непосредственных участников этих событий, граф Бобринский, обвинявшийся в разжигании антиправительственной агитации на территории «русских» земель Австро-Венгрии, заявил позднее в своем выступлении в Государственной думе, что слова Берхтольда призваны подчеркнуть весомость обвинений⁸⁴.

В это же время в ходе дискуссии о бюджете министерства иностранных дел 8 мая 1914 г. К. Левицкий заявил, что русско-австрийские отношения в данный момент являются важнейшим моментом для украинского народа. Подчеркнув, что в Австро-Венгрии нет россиян, а в Галиции, Буковине, Угорской Руси живут украинцы, он заявил, что Россия, парализовав каждый шаг Австро-Венгрии на Балканах, мобилизует силы на австро-российской границе, а пропаганда православия суть подготовка русской национальной идеи и является шагом на пути отрыва Галиции и Буковины от Австрии. Это, по словам Левицкого, явилось следствием недальновидной политики австрийских властей, отдавших украинский народ под власть поляков,

⁸² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 163. Л. 19–20.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв; сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 382.

а российское правительство смогло использовать это недоверие в своих интересах. При этом Левицкий высказал требование, с некоторого времени вновь появившееся в программе украинских партий: создание национальной автономии в составе Восточной Галиции и Буковины⁸⁵.

Российские наблюдатели, оценивая современный этап развития украинского движения, с заметным беспокойством отмечали укрепление его связей с австрийскими верхами. При этом, несмотря на то, что традиционное восприятие его как польской или же австрийской креатуры сохранялось, все чаще об украинском движении говорилось как о самостоятельной политической силе. В то же время, видя в нем одного из своих главных противников в Галиции, российские дипломаты не могли не отметить внутренних противоречий в украинском движении в период, непосредственно предшествовавший началу мировой войны. Особое внимание на это обратил в июле 1914 г. российский консул во Львове М.С. Верховцев, направивший в МИД обширную записку о политической ситуации в Галиции в целом и о современном положении всех существовавших в это время национальных партий⁸⁶. Верховцев, хорошо знавший галицийские реалии, отмечал падение украинского влияния буквально в последние месяцы «отчасти вследствие значительного падения интереса сельского населения к политической жизни вообще, отчасти потому, что парламентская политика украинцев в течение последних лет сделалась явно оппортунистической и потому не соответствует больше нуждам крестьянского населения»⁸⁷. Он также указывал на то, что политическая деятельность украинцев в последнее время сводилась в основном к более или менее удачным политическим комбинациям с венским кабинетом и польским клубом, что не могло не привести к падению ее популярности в народе. Таким образом, по мере развития украинского движе-

⁸⁵ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 706.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 158. Л. 2–4.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 19–29.

ния в Австро-Венгрии отношении российских дипломатов подвергалось некоторой корректировке. Оценка его как движения революционного, социалистического уступила место восприятию как движения националистического, сепаратистского. При этом особое беспокойство вызывала возможность использования украинской идеологии для привлечения симпатий малороссийского населения Российской империи в случае военного конфликта с Австро-Венгрией.

Следует отметить, что возрастающее влияние украинцев в Австро-Венгрии как самостоятельной политической силы отмечали не только сотрудники российского внешнеполитического ведомства. О том, что украинский вопрос имеет прежде всего политическое значение, не раз говорилось с трибуны российской Государственной думы. Так, зимой 1914 г. при обсуждении вопроса о праздновании юбилея Т.Г. Шевченко, вызвавшем жаркие споры, депутаты не раз обращались к обсуждению международного аспекта украинского вопроса. Так, представитель правых В.М. Пуришкевич заявил в своем выступлении в связи с этим, что именно активное развитие украинского движения в соседней монархии не позволяет либерально отнестись к вопросу о праздновании юбилея. По его словам «в данный момент, это движение тем опаснее, что и у соседа нашего, с которым мы, по-видимому, находимся в добрососедских отношениях, но если покопаться поглубже, то будет видно нечто совсем иное, за рубежом, в Австрии, самым усиленным образом пропагандируется идея украинофильской самостоятельности»⁸⁸. В заключение Пуришкевич подчеркнул, что политика Вены в этом вопросе не что иное, как «желание раздуть то движение, которое может, перекинувшись в Россию и охватив народные массы, создать благоприятную почву для нашего соседа в минуты ожидаемых боевых схваток, которые, может быть, не за горами»⁸⁹. О том, что явно

⁸⁸ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II, заседание 37. 11 февраля 1914 г. Ст. 722.

⁸⁹ Там же.

оказываемая Веной поддержка украинского движения в Австро-Венгрии имеет несомненный внешнеполитический аспект, говорили также лидер кадетов П.Н. Милюков и ряд других депутатов. Милюков отметил, что, «когда австрийское правительство поняло великое значение украинского культурного центра в пределах Австрии, то сам Император повлиял известным образом на хозяев этого края... на поляков»⁹⁰. Депутат Александров напомнил о том, что «в прошлом году в рескрипте австрийского Императора говорилось об украинстве»⁹¹, отметив, «что этот момент совпал с тем моментом, когда мы думали, что мы накануне войны с Австрией»⁹². Этому же мнению придерживались и меньшевик Чхеидзе, согласившийся с тем, что украинское движение в Австро-Венгрии есть движение политическое, — как и многие другие депутаты.

Если украинское движение в Австро-Венгрии официальным Петербургом и представителями российского МИД рассматривалось как безусловно враждебное, то их отношение к русофильскому движению было менее однозначным. Несмотря на выраженную пророссийскую ориентацию русофильского движения и выразителя его программы — Русско-народной партии, его очевидная политическая слабость послужила причиной того, что деятельность русофилов нередко оставалась вне поля зрения официального Петербурга. Предложения российских консулов в Черновцах и Львове о необходимости оказания материальной помощи русофилам не были приняты: в МИД предпочитали воздерживаться от подобных шагов, опасаясь осложнений в и без того непростых отношениях с Австро-Венгрией. Посол в Вене М.Н. Гирс, комментируя деятельность «Галицко-русского общества», задачей которого было укрепление пророссийских настроений среди русинов Австро-Венгрии, высказывал убежденность: «Если благоразумная и духов-

⁹⁰ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв; сессия II, заседание 37. 19 февраля 1914 г. Ст. 914.

⁹¹ Там же. Ст. 925.

⁹² Там же.

ная поддержка Русской народной партии желательна и может принести ей пользу, то, напротив, всякая пропаганда соединения с Россией, которую делают в Галиции некоторые наши общественные деятели и некоторые органы нашей прессы, обращающиеся с угрозами к Австрийскому правительству, могут при нынешних условиях лишь повредить Русскому национальному движению, и мы будем бесильны защищать единомышленников от строгих репрессивных мер здешнего правительства»⁹³.

Некоторому усилению политического влияния русофилов способствовала и успешная для них избирательная кампания 1908 г. В то же время давно назревавшие в среде русофилов противоречия, которые возникли еще в ходе подготовки к выборам в Сейм 1908 г. и в полной мере проявились уже в ходе его работы. На состоявшемся в феврале 1909 г. съезде «мужей доверия» (уполномоченных представителей) Русско-народной партии фактически произошел раскол в рядах ее руководства. «Народный совет» (исполнительный орган партии) перешел в руки более радикальных «молодых» русофилов, объединившихся вокруг «Русско-народной организации». «Старые», более консервативно настроенные русофилы сохранили за собой название «Русско-народной партии». Безусловно, раскол негативно отразился на русофильском движении, когда, по словам лидера «молодых» В. Дудыкевича, «наступило тяжелое время, время упадка народной дисциплины и полного застоя общественной деятельности», отмечались даже отдельные случаи выхода из Русско-народной партии⁹⁴. Организационные проблемы, возникшие после раскола, существенно ослабили работу русофильских организаций, в том числе и хозяйственных, лишившихся тех многочисленных дотаций, которые выделяла им венская администрация. Со стороны официальной Вены раскол в среде русофилов был воспринят скорее негативно. Власти

⁹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265.

⁹⁴ Там же.

опасались роста радикальных пророссийских настроений, предпочитая им проверенное «старорусинство»⁹⁵.

Внутренние противоречия в среде русофилов, а также отказ галицийской администрации от их поддержки привели и к ослаблению их позиций в Сейме, а затем и в Рейхсрате. Анализируя результаты избирательной кампании 1910 г. представитель СПБТА С. Колосов отметил, что фактический провал «русских» кандидатов стал прямым результатом раскола в русофильской среде. При этом основную ответственность он возложил на более радикальную Русскую народную организацию, в чьих руках «почивала целая избирательная кампания», приводя в качестве примера успешных действий результаты выборов 1908 г., «когда избирательной кампанией руководила другая русская партия в Галиции, консервативная Русско-народная партия» и у «русских кандидатов было 10 мандатов, украинцы имели только 12»^{96,97}.

Необходимо отметить, что российские дипломаты негативно относились именно к «молодым» русофилам, занявшим более выраженную пророссийскую позицию, отказавшимся от традиционного для старшего поколения «рутенизма». Объяснялось это, очевидно, традиционной осторожностью представителей российского внешнеполитического ведомства, опасавшихся обвинений во вмешательстве во внутренние дела соседней монархии. В целом представители внешнеполитического ведомства сохраняли приверженность той сдержанной позиции, которая была выработана еще в последние десятилетия XIX века, когда основной задачей российской внешней политики было сохранение status quo в отношениях с соседними государствами, а использование в своих интересах национальных движений было редким. При этом следует обратить внимание на различия в позиции дипломатов, работавших в

⁹⁵ Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). Ministerium des Innern (Ministerstwo Spraw Wewnętrznych). 1900–1913. № 20184. Z. 894–1000.

⁹⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 149/275. Л. 2–4.

⁹⁷ Там же.

Вене, и тех, кто работал непосредственно «на местах», во Львове и Черновцах. Последние, сотрудники консульств, нередко поддерживали достаточно тесные отношения с активистами русофильского движения, старались оказать им посильную помощь, что не всегда встречало понимание вышестоящего начальства, поскольку нередко подобные контакты использовались австрийскими властями для дискредитации как русофилов, так и российских представителей.

Таким образом, выборы в Сейм, прошедшие в 1910 г., заметно изменили его состав, в том числе и в отношении представительства «руського» населения. Здесь наиболее значимым изменением стало явное ослабление позиций русофилов, которым удалось провести только одного кандидата — Д.А. Маркова, да и то, как отметил российский наблюдатель С. Колосов, «при помощи украинских голосов, поданных за него»⁹⁸. Он разъяснял, что «украинцы голосовали за Маркова, потому что его контр-кандидат О. Ценский наиболее ненавистен украинцам из всех поляков, а также потому, что Марков обязался перед украинцами, что будет голосовать в Сейме за польско-украинский проект избирательной реформы, выработанный доктором Бобжиньским, что не будет затрагивать в Сейме русского национального и религиозного вопросов, не будет говорить в Сейме на русском литературном языке»⁹⁹. Подводя итоги выборов, автор подчеркивал, что влияние «русской идеи» в Галиции уменьшается, и «если так пойдет и дальше и Русско-народная партия не возьмет верх, русское движение в Галиции будет слабеть с каждым годом»¹⁰⁰, единственными представителями интересов «руського» населения останутся украинцы, пользующиеся поддержкой как венских властей, так, в определенной степени, и краевых. Явное в сравнении с 1908 г., когда русофилы имели 12 мест в Сейме, их ослабление является, с одной

⁹⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 149/275. Л. 2–4.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

стороны, следствием раскола в Русско-народной партии, а с другой — сотрудничеством польских и украинских кандидатов, поддерживавших друг друга против «русских».

События 1912 г. на Балканах и, как следствие, рост напряженности в австро-российских отношениях заметно отразились и на положении русофилов в Австро-Венгрии и на отношении к русофильскому (русскому) движению со стороны России. Чем явственнее становилась угроза австро-российского столкновения, тем активнее шел поиск возможных союзников в этой войне. Все чаще русское население Австро-Венгрии стало рассматриваться как такой потенциальный союзник. Оценивая с этой точки зрения состояние «русского дела» на австрийских землях, российские наблюдатели воспринимали его прежде всего в качестве альтернативы украинскому движению.

Одним из наиболее сложных стал вопрос об экономической поддержке русофильского движения в Австро-Венгрии. Активным сторонником ее был председатель Галицко-русского благотворительного общества В.А. Бобринский. В поданной им записке в мае 1913 г. он настойчиво убеждал руководство МИД в политической целесообразности увеличения расходов на укрепление и развитие «русского дела» в Галиции, особенно подчеркивая, что политические оппоненты русофилов — украинцы — пользуются не только симпатией Вены, но и материальной поддержкой Берлина¹⁰¹.

Затронутый Бобринским вопрос об экономической поддержке русофильских организаций неоднократно обсуждался в течение 1913 г. Еще в феврале в МИД была представлена записка «О кредитных, хозяйственных и промышленных учреждениях в Галиции». В ней был дан подробный анализ финансового состояния украинских и русофильских кредитно-хозяйственных учреждений. По мнению автора документа, бедственное положение русских экономических учреждений напрямую связано с пози-

¹⁰¹ Клопова М. Защита на Днестре и Сане. «Русское дело и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88–932.

цией в этом вопросе австрийского правительства. Поскольку «существование русского народа в Австрии считается в Вене вредным для Австрии, то венское правительство обрекло русский народ в Галиции на гибель и препятствует его экономическому развитию»¹⁰². Наиболее разумным в подобной ситуации автор считал предоставление дешевого кредита русофильским финансовым учреждениям. Предупреждая возможные обвинения в экономической нецелесообразности этого проекта, автор подчеркивал в заключении, что «всегда национально бодрствующий русский народ, объединенный солидной экономической организацией, не просит жертв или пособий, только кредита, вполне обеспеченного и за надлежащий процент»¹⁰³.

Председатель Совета министров В.Н. Коковцов, которому предназначалась записка Бобринского, в письме С.Д. Сазонову подтвердил, что «русским правительством расходуется ежегодно некоторая сумма на поддержание и развитие Прикарпатских славян, причем дело это ведется исключительно через посредство нескольких частных лиц, в том числе членов Государственной Думы гр. Бобринского и камергера Гижицкого, которым правительство доверяет распределение и передачу отпускаемых сумм подлежащим учреждениям и лицам, не контролируя их и не требуя отчета в израсходовании денег»¹⁰⁴. При этом премьер-министра интересовало мнение Сазонова о необходимости и рациональности оказания финансовой поддержки «прикарпатским славянам» «на изложенных в упомянутой записке основаниях», а также, может ли МИД взять на себя организацию настоящего дела и руководство им, и возьмет ли на себя Сазонов инициативу в «испрошении в законодательном порядке кредита в сумме 200 000 р. для отпуска на указанные в докладной записке надобности»¹⁰⁵.

¹⁰² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154/117. Л. 2–4.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 152. Л. 37–38.

¹⁰⁵ Там же.

В ответе на письмо Коковцова С.Д. Сазонов согласился с тем, что «усилия, прилагаемые к уничтожению русской национальности и культуры в Прикарпатье как Австро-венгерским правительством, так и польскими и немецкими организациями, и в особенности делаемые с этой целью материальные траты, вполне оправдывают то продолжение и даже расширение негласно оказываемой нашим правительством денежной поддержки Русской народности в Австро-Венгрии»¹⁰⁶. Целесообразным считал Сазонов и «доведение до 200 тысяч рублей ассигнуемых на эти цели средств». При этом министр подчеркивал, что, «по соображениям международного характера», причастность к оказанию русофилам финансовой поддержки российского правительства, в том числе и Министерства иностранных дел, должна сохраняться в секрете. Поэтому «возложить это дело на заграничных агентов МИДа является решительно невозможным». Более рациональным Сазонов считал передачу выделенных средств в Министерство внутренних дел и Ведомство православного исповедания, соглашаясь лишь на общее руководство их распределением. Кроме того, Сазонов соглашался выступить с инициативой испрошения кредита «ввиду того, что проведение этого ассигнования через законодательные учреждения легче осуществить в условиях секретности в случае исходатайствования его через МИД». Министр финансов согласился с доводами Сазонова, высказав, кроме того, пожелание, чтобы «расходование вышеуказанной суммы производилось по соглашению не только Министерств иностранных, внутренних дел и Обер-Прокурора Священного Синода, но и Министерства Финансов»¹⁰⁷.

Возможность использования пророссийских симпатий значительной части населения Галиции рассматривалась и представителями военного ведомства. В записке, представленной штабом Киевского военного округа в начале

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 6–8.

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 16. Л. 2.

века, говорилось следующее: «По наступлении в пределы Галиции предполагается воспользоваться тяготением Русской Галицийской Партии к России, с целью расположить к ней местное население. Орудием этого могут служить, во-первых, сельские священники, пользующиеся огромным влиянием на местное население; далее некоторыми представителями этой партии, которые при необходимости (если война, безусловно, предвидится в ближайшем будущем) могли бы и в мирное время вести агитацию в пользу России. Быть военными разведчиками в мирное время эти лица, вообще говоря, отклоняются»¹⁰⁸. В самом конце автор записки, окружной генерал-квартирмейстер Благовещенский добавляет, что для выполнения этой задачи необходимо иметь в распоряжении большее количество денег.

Однако, несмотря на то что идея поддержки русского движения как альтернативы украинскому признавалась полезной представителями практически всех российских ведомств, к ее практической реализации в Петербурге приступать не спешили. Даже незначительная помощь русофилам с российской стороны вызывала обвинения со стороны украинских активистов и неприязнь со стороны официальных властей. Так, призыв Галицко-русского благотворительного общества помочь голодающим жителям Прикарпатской Руси (Галиции) и образование в октябре 1913 г. «Комитета помощи голодающим», собравшего в итоге около 1 млн рублей¹⁰⁹, вызвали активное неприятие украинских лидеров, видевших в этом «работу восточного соседа по присоединению “подъяремной Руси”», а собранные средства считавших «деньгами на агитацию и пропаганду»¹¹⁰. Так же был убежден в том, что активную поддержку русофилам оказывают российские представительства, в том числе и консульство во Львове, лидер галицийских украинцев К. Левицкий. В известной мере он был

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1367. Л. 67.

¹⁰⁹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. С. 135.

¹¹⁰ Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців. С. 670.

прав. В 1909 г. российский военный атташе в Вене полковник Марченко, сообщая об организации в Галиции «весьма полезных для нас русских дружин», отметил, что «во главе дела стоит консульский секретарь во Львове Олферьев, заслуги которого перед русским военным ведомством весьма ценны и велики»¹¹¹. Убежденность в том, что русское движение инспирировано С.-Петербургом, высказывали и австрийцы. Один из руководителей австрийской контрразведки М. Ронге отмечал в своих воспоминаниях, что Галиция была «глубоко отравлена русскими интригами»¹¹².

Процессы над русинами во Львове и Мармарош-Сигете¹¹³ вынудили официальный Петербург проявлять большую, нежели обычно, осторожность. Несмотря на то, что с 1 июля 1914 г. предполагалось увеличение финансовой помощи русским организациям в Австро-Венгрии, уже в апреле 1914 г. консул в Черновицах А.О. Доливо-Добровольский, поддерживавший на протяжении многих лет достаточно тесные контакты с русофилами и хорошо знакомый с ситуацией в регионе, высказал мнение, что «ввиду создавшегося положения в связи с процессами в Мармарош-Сигете и во Львове, по мнению графа Бобринского, разделяемого В.К. Саблером, следует повременить с осуществлением выработанных предложений»¹¹⁴. Консул предложил «отложить производство по настоящему делу до осени»¹¹⁵.

Накануне Первой мировой войны российское внешнеполитическое ведомство фактически отказалось от традиционного благожелательного нейтралитета, начав разработку программы целенаправленной поддержки, в том числе и финансовой, пророссийских настроений местного населения. Украинское движение теперь оценивалось как не просто искусственно созданное австрийскими властями в противовес польскому и москвофильскому, но в качестве

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99.

¹¹² Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 73.

¹¹³ См. очерк М.Ю. Дронова, помещенный в данной книге.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 58.

¹¹⁵ Там же.

самостоятельного и серьезного противника. Особые опасения вызывали идеи консолидации украинского движения Галиции и российской части Украины.

В российском общественном мнении в изучаемый период наблюдался устойчивый рост интереса к проблемам «русского» населения Австро-Венгрии и, в частности, Галиции. Все решительнее высказывалось мнение о необходимости участия России в судьбах русинов. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Государственной думы и поднимался на страницах прессы. Представители националистических кругов настаивали на необходимости расширения помощи русофильским организациям, поддержке православного движения. Однако со стороны официального Петербурга, несмотря на то что поддержание пророссийских настроений среди населения Галиции признавалось полезным, постоянно высказывались опасения, что подобные действия могут быть расценены Веной как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии и могут способствовать ухудшению австро-российских отношений.

* * *

Позиция официального Петербурга была во многом обусловлена позицией внешнеполитического ведомства. Оценивая национальные движения восточнославянского населения Галиции, российские дипломаты руководствовались такими критериями, как отношение к России, степень политического влияния в крае и Габсбургской империи в целом, а также возможность влияния на состояние австро-российских отношений. Украинское движение, благодаря его последовательной антироссийской позиции и стремлению привлечь на свою сторону жителей российской части Украины, расценивалось крайне негативно и одной из основных задач российской политики в регионе признавалось противодействие развитию украинского движения. При этом традиционное для российских наблюдателей восприятие его в качестве польской или австрийской креатуры сменилось признанием его самостоятельности и

возрастающей роли во внутренней политике как Галиции, так и Австро-Венгрии в целом.

Таким образом, в 1911–1914 гг. положение национальных движений восточнославянского населения Галиции напрямую зависело от состояния австро-российских отношений. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования их в своих интересах в случае возникновения межгосударственного конфликта. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях в 1912–1914 гг., в Вене все более позитивно относились к украинскому движению. Прежде всего Габсбургской империи жизненно необходима была внутренняя консолидация, возможная лишь при разрешении основных национальных конфликтов, к числу которых принадлежал и польско-украинский. Поддержка австрийскими властями украинского движения в пределах Габсбургской монархии также могла бы способствовать росту проавстрийских настроений не только среди ее восточнославянского населения, но и среди украинского населения Российской империи.